

Лавров К.

23/10/88

90

Консольное издание
г. Ташкент

23 АПР 1988

Народный артист СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР Кирилл Лавров уже давно стал одним из популярных и любимых актеров театра и кино. Сегодня он гость нашей редакции.

— Кирилл Юрьевич, я думаю, что вы не можете пожаловаться на свою сценическую судьбу, ибо играли очень много и плодотворно. Характеры каких героев вам больше импонируют?

— Случилось так, что я создал на сцене и на экране образы в определенном смысле максималистов. Именно эти характеры мне близки. Я думаю, что в главном всегда должна прямолинейно и четко проявляться человеческая сущность. Вот за это я и люблю своих героев.

— Ваш отец, народный артист СССР Юрий Сергеевич Лавров, многие годы выступал на сцене Киевского театра им. Леси Украинки. Снимался в кино. Вопрос о выборе профессии перед вами не стоял!

— Моя мама тоже была актрисой. Родители часто брали меня с собой в театр и на репетиции, и на спектакли. Так что уже с детства я впитал в себя запах кулис. В нашем доме часто собирались актеры. Это был мир умных, тонких и ярких людей, мир общей увлеченности искусством.

Но мысль, что я буду актером, как ни странно, в тот момент не возникла. Это произошло значительно позже — во время прохождения срочной службы, практически у взрослого человека. Тогда я участвовал в художественной самодельности. После демобилизации только о театре

и думал. Ну и, наверное, гены все-таки сыграли определенную роль в моем выборе.

— Как вы относитесь к работе в кино?

— Театр — это первооснова. Кино — производное от него. Я имею в виду воспитание актера, его профессиональное умение. Но, несмотря на то, что специфика кинематографа в значительной мере отличается от театра, основа остается та же. Оба искусства сходятся в одном, в главном — понять и изобразить человека глубже, полнее, умнее. Работа в кино требует от актера умения самостоятельно выстроить роль. Несомненно, режиссер помогает в создании ее внешней стороны. Что же касается внутренней линии образа, то это — дело актера. К сказанному следует добавить способность схватить своеобразие персонажа, найти характерные для него особенности поведения и восприятия.

Я люблю и театр, и кино. К сожалению, из-за нехватки времени приходится отказываться от многих предложений. Недавно, например, отказался от очень интересного сценария, хотя, не скрою, мне было бы интересно сниматься в этом фильме. Но я физически не в состоянии совместить съемки с основной работой в театре.

— Значит, новыми работами в кино вы пока не порадуете?

— Я стараюсь поддерживать форму и время от времени снимаюсь. Только что закончил работу в фильме Н. Губенко «Запретная зона». Он сам написал сценарий, в котором занято много актеров. О чем фильм? О большой беде и большом

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

Кирилл ЛАВРОВ:

«МНЕ ПРАВИТСЯ НАШЕ ВРЕМЯ»

ущербе, нанесенном прошедшим смерчем. И задача создателей этой киноленты — показать, как на фоне экстраординарных обстоятельств поразному проявляют себя люди.

Сейчас я снимаюсь в фильме Г. Никулина «Хлеб — имя существительное» по роману М. Алексеева.

— Испытываете ли вы трудности при съемках в кино?

— Конечно, бывает. Например, партнерша по каким-то человеческим качествам бывает несовместима со мной. Или партнер, которого я терпеть не могу, играет моего друга. Тогда приходится перевоплощаться. А в идеале всегда приятно, когда партнеры не вызывают антипатий.

— В прессе неоднократно отмечалось, что Ленинградский БДТ для актеров стал

университетом мастерства, помогающим овладению высоким и трудным искусством. Они остаются верными художественным принципам своего театра, не снижают уровень исполнения до легкого и удобного «типажного» существования. С какими партнерами своего театра вы любите работать на сцене?

— Не случайно актеров нашего театра часто приглашают сниматься в кино. Люди, составляющие его основное ядро, давно работают вместе. Все мы, воспитанные нашим руководителем Г. Товстоноговым в одной школе, в одной методике, понимаем друг друга с полуслова. И я получаю огромное удовольствие от творческого общения практически с любым актером нашего театра. Ну и особенно приятно, когда партнер соче-

тает в себе такие качества, как искренность, легкость, актерская подвижность, импровизационность исполнения.

— А это часто бывает?

— Так должно быть всегда. Еще Мейерхольд сказал: «Главная задача современного театра — сохранение импровизационности актерского творчества в сложном и точном режиссерском замысле».

— Интерес актера к драматургии всегда был острым. Многие сейчас сетуют на то, что в последнее время пьеса находится в незавидном положении. Что вы можете сказать о сегодняшней драматургии?

— Драматургия, на мой взгляд, сыграла значительную роль в начале того процесса, который сейчас происходит в нашей стране. Уже в

преддверии XXVII съезда партии появились публицистические пьесы, в которых очень остро ставился целый ряд вопросов, обсуждавшихся позже на съезде. Это, во-первых, активное участие каждого советского человека в жизни и, во-вторых, ответственность перед тем, что происходит.

Так что я не могу сказать, что драматургия плелась где-то в хвосте. Наоборот, был создан целый ряд интересных пьес, которые прошли и оставили свой положительный след. Правда, многие «горячие головы» сейчас говорят о том, что хороших пьес нет. Я же склонен относиться к этому более спокойно. Ведь те процессы, которые происходят в нашей стране, настолько глубоки, сложны и серьезны, что если и появились бы сейчас пьесы (а они, очевидно, и появятся, этикие скороспелки конъюнктурного порядка, как отклики на происходящие события), то навряд ли они смогут все это в достаточной мере проанализировать, осознать. Я убежден, что для осмысления данного процесса требуется определенное время, чтобы художник мог все это пропустить через свою душу, сердце, ум. Вот только тогда и смогут появиться настоящие произведения. Даже в семнадцатом году не было написано ни одной современной пьесы. Они появились позже, в двадцатом году, когда рождалась советская драматургия. Время для новой драматургии обязательно придет. Сейчас уже нельзя требовать того, что было необходимо еще недавно, когда требовалась чистая публицистика. Зри-

тель уже немножко устал от этого. Публицистическая драматургия — это только одна ветвь драматургии. Главное, чтобы она достигла все-таки уровня художественного произведения. Я имею в виду не уход от публицистики, а наряду с ней создание высококачественных, художественно глубоких драматургических произведений.

— После экранизации «Братьев Карамазовых» совместно с М. Ульяновым вы не пробовали себя еще раз в качестве режиссера?

— Честно говоря, соблазн был велик и очень хотелось еще раз попробовать себя в этой профессии, но я вынужден был отказаться от приглашения сделать картину. Во-первых, из-за съемок надо было хотя бы на год расставаться с театром. А я слишком люблю свою профессию. Во-вторых, много времени поглощает общественная работа...

— Значит, вопрос об увлечениях в свободное время отпадает?

— Почему же? Времени

катастрофически не хватает. Надо же еще и читать! Сейчас появляется много интересной литературы, знакомство с которой занимает много времени. Так что, в основном, — книжка на ночь. Правда, иногда вырываюсь в 7—8 утра поиграть в теннис, которым занимаюсь около 20 лет. И еще очень люблю природу: и рыбалку, и за грибами сходить. Но это бывает совсем редко. Практически я уже давно не имел отпуска.

— Если бы вы оказались у пульта машины времени, куда бы вам захотелось заглянуть — в прошлое или будущее?

— В прошлое не хочу заглядывать, в будущее тоже. Потому что будущее всегда неожиданно, а неожиданность интересна. Но когда все знаешь наперед, то жить, по-моему, становится неинтересно. Сейчас столько забот в настоящем. Я хочу остаться в этом времени.

Беседу вел
И. ГУЛЬЗАРОВА.

Уважаемый Кирилл Юрьевич,
«Братьев Карамазовых» самые добрые
пожелания и надежды на
новые вершины на театральном
узбекском зените

К. Лавров